по моему хотению

день лежит на печке, знать ничего не хочет.
Один раз братья уехали на базар, а бабы, невест-

ки, давай посылать его:

— Сходи, Емеля, за водой.

А он им с печки:

— Неохота...

 Сходи, Емеля, а то братья с базара воротятся, гостинцев тебе не привезут.

— Ну, ладно.

Слез Емеля с печки, обулся, оделся, взял вёдра

да топор и пошёл на речку.

Прорубил лёд, зачерпнул вёдра и поставил их, а сам глядит в прорубь. И увидел Емеля в проруби щуку. Изловчился и ухватил щуку в руку:

— Вот уха будет сладка!

Вдруг щука говорит ему человечьим голосом:

— Емеля, отпусти меня в воду, я тебе пригожусь.

А Емеля смеётся:

— На что ты мне пригодишься?.. Нет, понесу тебя домой, велю невесткам уху сварить. Будет уха сладка.

Щука взмолилась опять:

- Емеля, Емеля, отпусти меня в воду, я тебе сделаю всё, что ни пожелаешь.
- Ладно, только покажи сначала, что не обманываешь меня, тогда отпущу.

Щука его спрашивает:

- Емеля, Емеля, скажи чего ты сейчас хочешь?
- Хочу, чтобы вёдра сами пошли домой и вода бы не расплескалась...

Щука ему говорит:

- Запомни мои слова: когда что тебе захочется— скажи только: "По щучьему веленью, по моему хотенью".
 - Емеля и говорит:

 По щучьему веленью, по моему хотенью – ступайте, вёдра, сами домой...

Только сказал—вёдра сами и пошли в гору. Емеля пустил щуку в прорубь, а сам пошёл за вёдрами.

Идут вёдра по деревне, народ дивится, а Емеля идёт сзади, посмеивается... Зашли вёдра в избу и сами стали на лавку, а Емеля полез на печь.

Прошло много ли, мало ли времени— невестки говорят ему:

- Емеля, что ты лежишь? Пошёл бы дров нарубил.
 - Неохота...
- Не нарубишь дров, братья с базара воротятся, гостинцев тебе не привезут.

Емеле неохота слезать с печи. Вспомнил он про щуку и потихоньку говорит:

— По щучьему веленью, по моему хотенью— поди, топор, наколи дров, а дрова сами в избу ступайте и в печь кладитесь...

Топор выскочил из-под лавки—и на двор, и давай дрова колоть, а дрова сами в избу идут и в печь лезут.

Много ли, мало ли времени прошло—невестки опять говорят:

 Емеля, дров у нас больше нет. Съезди в лес, наруби.

А он им с печки:

— Да вы-то на что?

— Как — мы на что?.. Разве наше дело в лес за дровами ездить?

— Мне неохота...

Ну, не будет тебе подарков.

Делать нечего. Слез Емеля с печи, обулся, оделся. Взял верёвку и топор, вышел на двор и сел в сани:

Бабы, отворяйте ворота!

Невестки ему говорят:

— Что ж ты, дурень, сел в сани, а лошадь не запряг?

— Не надо мне лошади.

Невестки отворили ворота, а Емеля говорит потихоньку:

 По щучьему веленью, по моему хотенью ступайте, сани, в лес...

Сани сами и поехали в ворота, да так быстро— на лошади не догнать.

А в лес-то пришлось ехать через город, и тут он много народу помял, подавил. Народ кричит: "Держи его! Лови его!" А он, знай, сани погоняет. Приехал в лес:

— По щучьему веленью, по моему хотенью—топор, наруби дровишек посуше, а вы, дровишки, сами валитесь в сани, сами вяжитесь...

Топор начал рубить, колоть сухие дерева, а дровишки сами в сани валятся и верёвкой вяжутся.

Потом Емеля велел топору вырубить себе дубинку—такую, чтобы насилу поднять. Сел на воз:

По щучьему веленью, по моему хотенью—

поезжайте, сани, домой...

Сани помчались домой. Опять проезжает Емеля по тому городу, где давеча помял, подавил много народу, а там его уж дожидаются. Ухватили Емелю и тащат с возу, ругают и бьют.

Видит он, что плохо дело, и потихоньку:

— По щучьему веленью, по моему хотенью —

ну-ка, дубинка, обломай им бока...

Дубинка выскочила—и давай колотить. Народ кинулся прочь, а Емеля приехал домой и залез на печь.

Долго ли, коротко ли—услышал царь об Емелиных проделках и посылает за ним офицера—его найти и привезти во дворец.

Приезжает офицер в ту деревню, входит в ту из-

бу, где Емеля живёт, и спрашивает:

— Ты - дурак Емеля?

А он с печки:

— А тебе на что?

- Одевайся скорее, я повезу тебя к царю.

А мне неохота...

Рассердился офицер и ударил его по щеке.

А Емеля говорит потихоньку:

— По шучьему веленью, по моему хотенью— дубинка, обломай ему бока...

Дубинка выскочила — и давай колотить офицера,

насилу он ноги унёс.

Царь удивился, что его офицер не мог справиться с Емелей, и посылает своего самого набольшего вельможу:

— Привези ко мне во дворец дурака Емелю, а

то голову с плеч сниму.

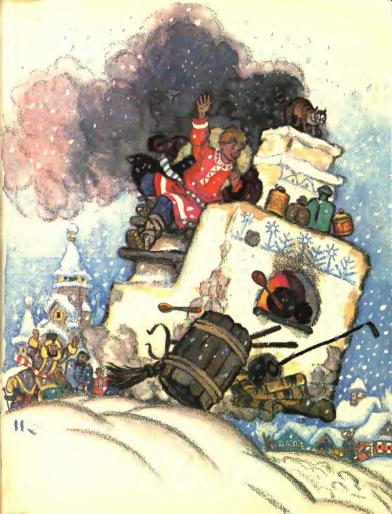
Накупил набольший вельможа изюму, черносливу, пряников, приехал в ту деревню, вошёл в ту избу и стал спрашивать у невесток, что любит Емеля.

 Наш Емеля любит, когда его ласково попросят да красный кафтан посулят, — тогда он всё сделает,

что ни попросишь.

Набольший вельможа дал Емеле изюму, черносливу, пряников и говорит:

- Емеля, Емеля, что ты лежишь на печи? Поедем к парю.
 - Мне и тут тепло...
- Емеля, Емеля, у царя тебя будут хорошо кормить-поить пожалуйста, поедем.

А мне неохота...

 Емеля, Емеля, царь тебе красный кафтан подарит, шапку и сапоги.

Емеля подумал-подумал:

 Ну, ладно, ступай ты вперёд, а я за тобой вслед буду.

Уехал вельможа, а Емеля полежал ещё и говорит:

— По щучьему веленью, по моему хотенью ну-ка, печь, поезжай к царю...

Тут в избе углы затрещали, крыша зашаталась, стена вылетела, и печь сама пошла по улице, по дороге, прямо к царю...

Царь глядит в окно, дивится:

— Это что за чудо?

Набольший вельможа ему отвечает:

— А это Емеля на печи к тебе едет.

Вышел царь на крыльцо:

 Что-то, Емеля, на тебя много жалоб! Ты много народу подавил.

— А зачем они под сани лезли?

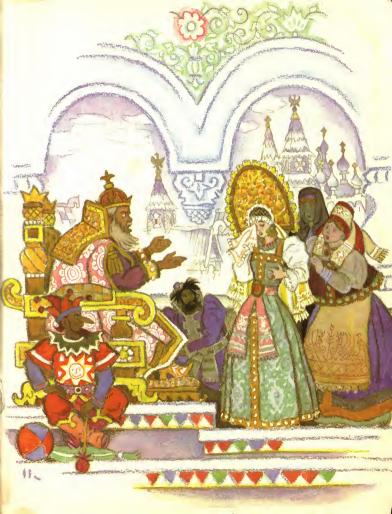
В это время в окно на него глядела царская дочь— Марья-царевна. Емеля увидал её в окошке и говорит потихоньку:

— По щучьему веленью, по моему хотенью— пускай царская дочь меня полюбит...

И сказал ешё:

Ступай, печь, домой...

Печь повернулась и пошла домой, вошла в избу и стала на прежнее место. Емеля опять лежит-полёживает. А у царя во дворце крик да слёзы. Марьяцаревна по Емеле скучает, не может жить без него, просит отца, чтобы выдал он её за Емелю замуж. Тут царь забедовал, затужил и говорит опять набольшему вельможе:

— Ступай, приведи ко мне Емелю живого или

мёртвого, а то голову с плеч сниму.

Накупил набольший вельможа вин сладких да разных закусок, поехал в ту деревню, вошёл в ту избу и начал Емелю потчевать.

Емеля напился, наелся, захмелел и лёг спать. А вельможа положил его в повозку и повёз к царю.

Царь тотчас велел прикатить большую бочку с железными обручами. В неё посадили Емелю и Марьюцаревну, засмолили и бочку в море бросили.

Долго ли, коротко ли-проснулся Емеля, видит-

темно, тесно:

— Где же это я? А ему отвечают:

- Скучно и тошно, Емелюшка! Нас в бочку засмолили, бросили в синее море.
 - А ты кто?

— Я—Марья-царевна.

Емеля говорит:

 По щучьему веленью, по моему хотенью ветры буйные, выкатите бочку на сухой берег, на жёлтый песок.

Ветры буйные подули. Море взволновалось, бочку выкинуло на сухой берег, на жёлтый песок. Емеля и Марья-царевна вышли из неё.

— Емелюшка, где же мы будем жить? Построй

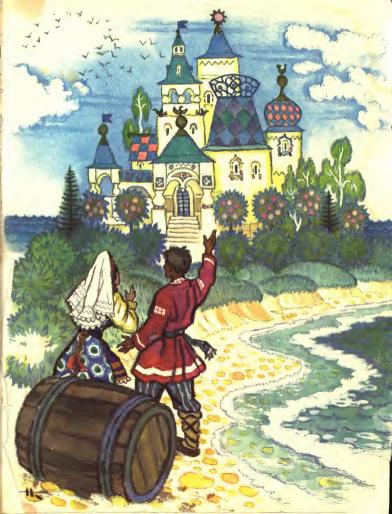
какую ни на есть избушку.

— А мне неохота...

Тут она стала его ещё пуще просить, он и говорит:

— По щучьему веленью, по моему хотенью выстройся, каменный дворец с золотой крышей...

Только он сказал—появился каменный дворец с золотой крышей. Кругом—зелёный сад: цветы

цветут и птицы поют. Марья-царевна с Емелей вошли во дворец, сели у окошечка.

— Емелюшка, а нельзя тебе красавчиком стать?

Тут Емеля не долго думал:

— По щучьему веленью, по моему хотенью— стать мне добрым молодцем, писаным красавцем...

И стал Емеля таким, что ни в сказке сказать, ни

пером описать.

А в ту пору царь ехал на охоту и видит—стоит дворец, где раньше ничего не было.

Это что за невежа без моего дозволения на

моей земле дворец поставил?

И послал узнать-спросить: ,,Кто такие?"

Послы побежали, стали под окошком, спрашивают.

— Просите царя ко мне в гости, я сам ему скажу. Царь приехал к нему в гости. Емеля его встречает, ведёт во дворец, сажает за стол. Начинают они пировать. Царь ест, пьёт и не надивится:

— Кто же ты такой, добрый молодец?

— А помнишь дурачка Емелю—как приезжал тебе на печи, а ты велел его со своей дочерью в бочку засмолить, в море бросить? Я—тот самый Емеля. Захочу—всё твоё царство пожгу и разорю.

Царь сильно испугался, стал прощенья просить:
— Женись на моей дочери, Емелюшка, берешмоё

царство, только не губи меня!

Тут устроили пир на весь мир. Емеля 26 енися на Марье-царевне и стал править царством.

Тут и сказке конец, а кто слушал — молодец.

